Н. Поляков

ОТАВА

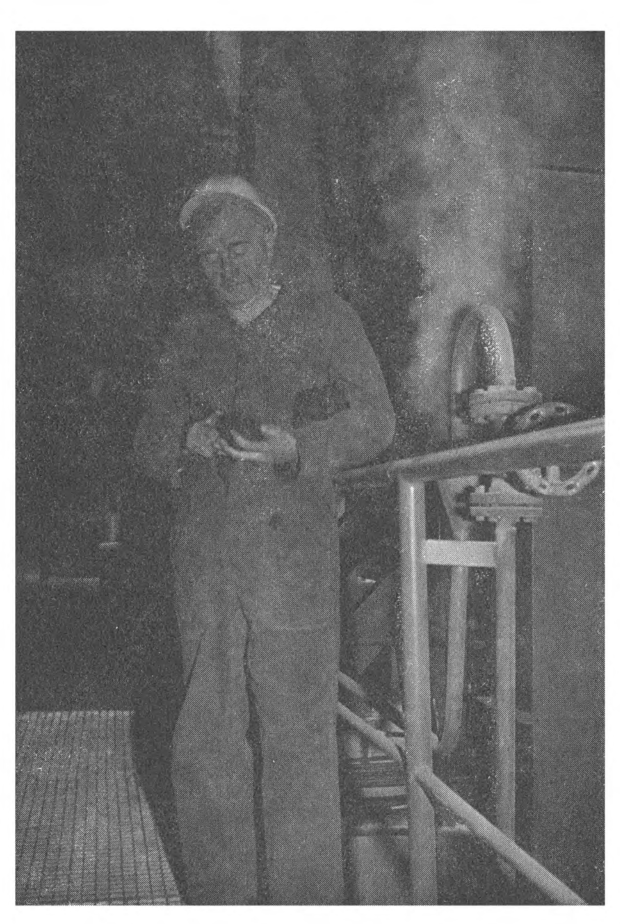
МЮНХЕН, 1981

Казачьему Народу,
Россией и Западом
распятому.

П. ПОЛЯКОВ

ОТАВА

Мюнхен, 1981

Из ГУЛага на Западе

ОТАВА

Докошу последнюю отаву,
Тихим вздохом Поле помяну
И его умученную Славу
И последний выстрел на Дону.

Всё ушло. А солнце на закате
И не греют, не зовут лучи.
Сказано — не думай о возврате,
Час придёт — навеки замолчи.

Унеси свои лихие боли
В никуда. В немую пустоту.
Был ты в жизни телом на приколе,
А душа — подбита на лету.

Сны твои, мечты, любовь и вера
Растворятся в синеве без дна . . .
Это всё бесчеловечья мера
Что придумал людям сатана.

Что-же Бог? Какие это дали
Всё сокрыли от предвечных глаз?
Аль о крови, боли и печали
Невзлюбил Он горький мой рассказ?

Докошу последнюю отаву,
Безнадёжно руки уроню...
Сатана-ль казачью нашу славу
Или Бог подрезал на корню?

МОЛЕНИЕ О ЧАШЕ

Когда от страшной боли злой
В душе звериный крик родится,
Окстись тогда. И песню пой
О уничтоженных станицах.

Забудь суетный мир чужой
Что жертвы не заметил нашей.
Закрой глаза. И в ропот твой
Вложи моление о Чаше.

ВНУКАМ

«Поистирались наши следочки
Где мы ходили долгие ночки» . . .
Позаростали. Ветром задуло.
Позапуржило. Призагорнуло.

Блещут вам звёзды как нам горели
И шепчут саги о светлой цели,
Сказки расскажут, кроясь туманом,
И зачаруют вечным обманом.

ПЕРЕД УХОДОМ

Приуснувши сном последним
Мы вовеки не проснёмся...
Нашим, там, перекажите: —
Из похода не вернёмся!

— · —

Перед тем как в лучшем мире
Хутор мой мне станет сниться
Хорошо бы родниковой,
Ледяной воды напиться.
В гимнастёрку, в шаровары,
Да карпетки приодеться,
В чириках на выгон выйти
На курганы наглядеться...
И вот этак приготовясь
К неизведанным дорогам,
Затянуть перед кончиной
Стародавним нашим слогом
О том
что легли мы
в последнем бою
За нашу, за древнюю
ПРА́ВУ свою,

В семнадцатом вспомнив
Её
— старину —
Москвы не спросились
Как жить на Дону.
Одно только зная:
Кто был казаком,
Погибнет,
Не сдастся,
Не станет рабом.
А коль на далёкой
Чужбине помрёт,
Родные напевы
С собой унесёт.
На райском пороге
Их будет играть
И ангелы станут
Ему подпевать.

КЛАД РАЗИНА

Всю жизнь отдавши для стихов
Слагал лирические строки,
Нашедши в песнях казаков
Для них священные истоки.

И полон верою живой,
Что кладом Разина владею,
Шёл неистоптанной тропой
Ища по свету Дульцинею.

Тьма на тропинке пролегла,
Короче дни. И ближе сроки.
И Дульцинея не пришла
И глуше голос одинокий.

Но то, что крепко полюбил,
Всё неизменно в рифмах славил
И старой веры не забыл,
Её заветам послужил
Раб Божий
— самостийник Павел.

СТАРШИНЕ

Нет, победить вы не могли
Привыкнув гнуть холопьи выи
И до могилы донесли
Фетиш под именем «Россия» .

Ничтожна наша старшина
И лишь немногих исключений
Горят поныне имена
Среди холуйских, жалких теней.

Мы в восемнадцатом могли
Спасти святые наши грани,
Да нас с оглядкой повели
Не казаки, а россияне.

Когда-ж последний крест донской
Под русским плугом повалился
Никто межь этой старшиной
В отчаянии не окрестился.

— · —

Добровольно полезли
В смерды. В крепостные.
Не поняли тогда, что оставшись один,
Не сманив казаков на спасенье России
Застрелился в тоске атаман Каледин.

ГВАРДЕЙЦЫ

«На нём шапочка смеётся,
Перчаточки говорят! —»
Он по городу Петрову
Выступает на парад.

Шёл по Невскому Проспекту,
Сам с собою рассуждал:
— «Я на всю Донскуя Войску
Буду перьвый гинярал». —

Ордена, кресты-медали,
Благоденствует народ . . .
Эх, что дали, а что взяли
Кто же толком разберёт.

Присягали. Воевали.
Верность трону соблюли.
Дон свой Тихий проморгали,
Русь от русских не спасли.

СОННОЕ МЕЧТАНИЕ

. . . Заговорят со мной ручьи,
Камыш, куга и перелески
И расцветут луга мои
В слепящем полудённом блеске.
Седой прошелестит ковыль
О том, что здесь без нас бывало
И ляжет на дороге пыль
Как бархат мягким покрывалом.
Привет мне промычат быки,
А суслик свиснет плясовую
И боль скитаний и тоски
Утонет в сказку голубую.
Небесный, наш, бездонный свод
Всё дымкой синей зачарует
И воробьёв летучий взвод
В кустах тернов замитингует.
Старик, сухой как Дон-Кихот,
Покличет с ним поставить сети,
А молодайка у ворот
На шутку весело ответит.

— · —

Рубахи ворот разорву . . .
И слёз ни от кого не пряча

Шагну. Свалюсь в ковыль-траву,
Заплачу. В радости заплачу.
И землю дедов обниму,
Её дыхание почуя . . .
И что я в этот миг пойму,
Всё как причастие приму,
Как сердца исповедь немую.

МОГИЛЫ ДЕДОВ

Позатоптаны дедов могилы . . .
Знать судьбишка такая у нас,
Чтоб о них не кресты говорили,
А оставшийся внукам рассказ.

Где вы, тени восставших героев,
По Сибири погибших донцов,
Кто-же благостно вас упокоит,
Посвятит вам созвездья стихов?

Отгорели весенние зори,
Позатухли огни в куренях
И повёл нас за синее море
Стародáвний, некрасовский шлях.

Помяну о несчётных могилах,
С ними детскую веру мою.
В то, что Божьи несчётные Силы
Это — Войско Казачье в Раю.

ЛУНА

Сколько крика, шума, разговоров,
Драки новой в беспросветной тьме...
На Луну отправили монтёров,
А Поэт — остался на земле.

Охвативши голову руками
И Селены не теряя свет,
Широко открытыми глазами
Ловит ритм движения планет.

— · —

И шепча повторяет
Всё снова и снова,
Что Закон Созиданья
Всего лишь один:
Этот Мир сотворило
Предвечное Слово
Только Духом Единым,
Без рёва машин.

НЕИЗМЕННОЕ

И теперь, когда моя седая
Похилилась в думах голова,
Неизменно снова воскресают
Старые заветные слова . . .
Что-же это?
Чу́дится?
Блазни́тся?
Навожденье?
Привиденья?
Бред?
Тиф и снег. Сгоревшие станицы.
В горы, в Поти добежавший след.

— · —

Войско наше
— смерть покосила.
Лагери
ссылки
тюрьма.
По всему то по свету
Наши могилы . . .
А Бориска
— сошёл с ума!

— · —

Море синее.
Небо синее.
Синий цвет моего мундира.
По дурацки изломанной линии
Прохожу, блукая по миру.
Стиснув зубы. Веривший много.
Ни на что не нашедший ответ.
По Треби́ньской
в Биле́чу
дороге
Ты во что поверил,
кадет?

— · —

Му́тит он, в бездонной ночи
Налетевший на душу бурьян . . .
И стреляет, шипит, бормочет
На чужом языке экран.

— · —

Вместе с солнцем умоюсь. И встану.
И обрадует старческий слух:
Нынче снова ранёшеньки-рано
Мне подъём проиграет петух.

НА ОГОНЁК

Засветился огонь у тебя в курене,
Луч улыбки твоей вновь почудился мне.
Голос твой услыхал, да не понял слова,
Шелестели они, прозвучавши едва.
Повернула машина в проулок крутой,
Побежал мне навстречу твой город чужой.
Замелькали витрины, трамваи, мосты,
На прохожих глядел — не идешь ли и ты.
Впрочем дома наверное лучше тебе
Призадумалась тоже о нашей судьбе.
И глядишь ты в окошко, головку склоня,
Вспоминаешь, быть может, и ты про меня.
Эй, таксист, погоди, аль не видишь, дурак,
Там вон — тоже огни! Там — весёлый кабак!
Тю, чудак-человек, на меня не серчай,
А бери-ка вот эту десятку на чай.
Примощусь где-нибудь, в уголку за столом
И займусь в одиночку бургундским вином.

МЫ — ЛИШЬ НАЧАЛО

В восемнадцатом, на речке на Ольховке
Где пески, мелы, да солончак,
В первый раз ударил из винтовки
И промазал молодой казак.
И сказал урядник из станицы:
— «При стрельбе не сепети, куга,
А хотишь порядком примяниться
Осярьчай ты на свово врага.
Он сейчас боится. Подло трусить.
Но яво ты с мушки не спушшай,
А сказавши — Господи-Исусе —
В лоб яму гостинец посылай.
Зненавидь. Штоб не было пардону.
Убивать пришёл он. Резать. Жечь.
Как свинья надравшись самогону
С нашей бабой в нашу койкю лечь.
Гля! Идуть! Не счесть и не измерить.
Ишь, явились в окаянный час.
С Дону сбить. Казачеству похерить.
Всех как есть перекалечить нас.
А тому начало — при Кондрате
И таперь вот — на тибе пошли.
А после — в какой неихней хате
Резать будуть . . .
Тю! Бягить! Пали!» —

— · —

В сорок пятом Драва увидала
Как сбылись урядника слова
И последняя казачая упала
Под ножом московским голова.
Чей черёд?
Тирольская долина
Наперёд ты всех их помяни
Криком Божьего умученного Сына:
— О — или-или-лима-савахвани —

ДВА ГОДА

Два года в этом курене
Огонь мой не потух,
Два года рано на заре
Поёт в саду петух.
Зови, чудак. Поверить что-ль
В живой весны расцвет,
В перемежи́вшуюся боль
И в жизни новый след?
Что на раздумья седины,
На тихий сердца ход,
Из поднебесья, с вышины,
Прозренья луч падёт?

КИСМЕТ

Пусть всё ненормально. Нелепо. В бреду.
Пойду. Разыщу. И найду. Да — найду!
Надежны мои подхвативши, понёс,
А с ними меня, засвистев, паровоз.
На мокром тамбуре. В железном хвосте.
Досталось местечко и мне и мечте.
На взгорья. Сквозь тучи. Снега. Облака . . .
Стой — чья-ж на перроне махнула рука?
Ужель за вагоном бежала вослед?
Зачем? Задержать? Иль последний привет?
Что всё это значит? Аль в радужных снах
Слепец, не увидел улыбки в глазах?
Что рядом светили в чудесном огне
И радость сулили безумному мне?
Зачем-же, куда-же ненужный побег!
Долой из тамбура! На щебень! На снег!
Сочти-ка ты шпалы. И вёрсты отмерь.
Вернись. Постучи. И откроется дверь.
И хлынет, слепя, изумительный свет.
Точёный покажется в нём силуэт.
Теплее и мягче небесной зари . . .
Вздохни глубоко. И от счастья — умри.

ТИРОЛЬСКОЕ ЧУДО

Дни пустые, ночи порожние,
По чужим проблуждал тротуарам,
А стихи, как цветы придорожные,
Разбросал, разбазарил задаром.

Всё, чему моё сердце молилось,
И всю жизнь, алея горело,
Несвершилось. Нестало. Несбылось.
Иль в костре пилигрима истлело.

Лишь одно пролетело не зря:
Славу пел моему народу,
Что с кровавых дней октября
Честно бился за честь и свободу.

А потом он тризну свою
Справил, ставши прохвостов добычей
И погиб безоружным в бою.
За Кондрата старинный обычай.

Те, что Волю веками блюли,
Совершили великую требу,
А в Лиенце лишь стёжку нашли
И к Престолу Творца унесли
Нерушимую преданность Небу.

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ

Просыпал пригоршню углей
Господь из кузницы своей
И так по небу их растряс,
Что стали звёздами для нас.
И солнце яркое зажёг,
Чтоб каждый, каждый греться мог.
Поверил — в радости поймём,
Что мы в раю Его живём.
Что океаны и леса
И вся земная лепь-краса,
И дали гор, степей, морей,
Для всех нас созданы людей.
И отделил Он свет от тьмы,
Подумал — сделаем и мы.
И дав заветы Правды нам
К иным Своим ушёл мирам . . .

— · —

Воро́тится — в Пустыню Зла,
На наши поглядит дела
И добрый, праведный Старик
Слезой замутит скорбный Лик.
И в этот страшный, грозный час,
В недобрый миг осудит нас.
Но в нас Мечту Свою любя
Судить Он будет и Себя.

СМЕРТЬ

Б. П. Горницкому

Нет, не в чёрном она допотопном плаще,
А в тунике из звёзд и цветов,
Затаилась в её изумрудных глазах
Мудрость сотен ушедших веков.
Прикоснётся рукой — будто вспыхнет рассвет,
Полный счастья вздохну глубоко
И под трубный далёкий отбоя сигнал
Станет радостно мне и легко.
Повернётся она и покажет жезлом
В беспредельную даль, будто в степь,
Сколько видно по ней мне навстречу встаёт
Партизан усть-медведицких цепь.
С ними вместе отец мой и прáдед и дед
Пра-пра-прáдед — из лука стрелок.
И услышу — в лугах подголосок звенит
И увижу — горит огонёк.
Это бабушка с мамой поднялись чуть свет,
Нóне пышек они напекут,
Знают: — внучек-сынок из похода идёт,
Суетятся, торопятся, ждут.
Лай услышу моих неподдельных друзей,
Это Кутька, Жако и Буян,

И Маруська заржёт из конюшни своей,
Топнет в стойле красавец Полкан.
Не с косою она. И не череп пустой.
В ней — Заполья лазоревый цвет.
Солнца светлый восход над моею рекой
И роди́тельской ласки привет.

— · —

Эти кости, коса, старый чёрный покров,
Реквизиты несчастной Земли . . .
Лишь в станицах небесных, межь райских садов,
Нам откроется тайна грядущих веков,
Чтоб к познанию Правды пришли.

ВОРОТА В РАЙ

Нужно сто миллионов веков,
Чтобы, Божий приказ исполняя,
Сотня славных бойцов-казаков
Доскакала до светлого рая.
Так, уйдя от взвихрённой земли,
Распростясь с преходящим и тленным,
Наши с Дона походом ушли
И аллюром идут переменным
К той звезде, что горела для нас
Озаряя бойницы Азова,
Что зажёг с Богородицей Спас,
Дав нам веру в Господнее Слово.
Эту веру веками храня
Бились мы за казацкие грани
И осветит она для меня
Путь отцов в межпланетном тумане.

НА ПОЛУСТАНКЕ

Ты живёшь у разъезда, где несчётные шпалы
Позапутали в беге стальные пути,
Где горят не мигая огни и сигналы
И вечерними тропами грустно итти.
Загораются, тухнут, и звёзды и зори,
И беззвучно бегут за годами года,
Лишь внезапно мелькнувши в далёком просторе
Вдруг проносятся мимо и здесь поезда.
Но ты терпишь и ждёшь. Будет день. Спозаранку.
В эти заросли елей и стройных берёз,
Будет это. Случится. К твоему полустанку.
Наконец-то. Наверно. Подадут паровоз.
Крикнет он в синеву. И разбудит пролески.
Задрожат шелестя на деревьях листы.
Встанет яркое солнце в ослепительном блеске
И встречая его улыбнёшься и ты.
Проберёшься наверх. К рычагам и приборам.
И под громкий, пронзительный, воющий свист
Холодея поймёшь, что судьбы приговором
Стал теперь в неизвестное ты — машинист.
И ритмично считая повороты и стрелки,
Что поставили руки каких-то невежд,
На иные он вырвет тебя переделки
Понесёт по созвездиям новых надежд . . .

Отвернись от всего, что манило дотоле,
Никого не люби, никого не кляни,
Каждый сбывшийся сон — это новые боли
И бездонною ночью кончаются дни.

НОЧНОЙ ГОСТЬ

В эту тёмную ночь ёлка снова горела
В переливном сияньи несчётных свечей.
Увидал — ты под ней одиноко сидела,
Услыхал неожиданно — тихо запела
О вслепую проигранной жизни твоей.
И о мне. Что ушёл. Навсегда. Без возврата.
Позабыв на стене свой немой силуэт.
А тебе не по силам лихая расплата
За непонятный смысл голубого заката,
За потерю тобою загубленных лет . . .
Долго молча стоял незамечен тобою.
Издалёка пришедший. Из заоблачных стран.
С неразлучной моей окаянной тоскою,
По несбывшейся сказке задуманной мною,
По оборванным снам, превращённым в обман . . .
Невидимкой пришёл. Не затем, чтоб вернуться.
А поминки лишь справив по старым мечтам,
В мире новом, ином, обновлённым проснуться . . .
Напоследок же только хоть раз прикоснуться
Взором мёртвым к твоим потемневшим глазам.
Чтоб понять. Разобраться. Почему-же осталась
Тень умученной веры неизменно живой,
А душа несумела, несмогла, не рассталась
С тем, что только миражем пустыни сказалось
Но грозит поселиться навеки со мной.

— · —

Лишь тяжеле мне стало от полу́ночной встречи
И того, что последняя сыграна роль.
Видел в плаче склонённые дрогнули плечи,
Слышал муки признанья, раскаянья речи
И опять унесу бесконечную боль

Возвращаясь туда, где же несть воздыханий . . .
Ни печалей. Ни мелких, ничтожных забот.
Ни стремлений. Ни слёз. Ни любви. Ни желаний.
Где иные и меры и чувства и грани.
И где слово — надежда — навеки умрёт.

ИТОГИ

Тишина. Горячие подушки.
Полночь бьёт. Воспоминаний шквал.
Кто ещё за медные полушки
Жизнь свою бездумно разменял?

Хорошо, когда никак не спится,
Заглянуть в немую пустоту,
Перечесть и имена и лица,
Проследить их тропы в темноту.

Их шагов оставшиеся пятна
Постараться лучше разглядеть,
Чтобы стала наконец понятна
Увлечений порванная сеть.

Хорошо в конце земной дороги
Обернувшись перечесть грехи,
Подвести последние итоги,
Замолчать в углу своей берлоги
И не ждать ответа на стихи.

ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА

Что-ж, удастся ли мне, свой окончивши путь,
От себя самого наконец отдохнуть?
И порвавши раздумий проклятую нить
Всё, чем жил на земле, навсегда позабыть?
Замолчавши навеки, в глухой тишине,
Не слыхать голосов говорящих о мне?

СТЕПНОЕ ГОРЕ

В мире нет их шире и чудесней . . .
В них свершéнье первозданья дышит.
Вспомнят степи о казачьих песнях,
Но вовек их больше не услышат.

Степь несчётно песни породила
Песни-ж эти — прославляли степи.
Матерь Божья в ковылях ходила
И тогда Покров Свой посулила
Тем, кто рвал невольничества цепи.

Крепко в мире всё переменилось,
По лугам посохли повилики,
Солнце тучей чёрною сокрылось,
На иконах потемнели лики.

От того-ль те лики потемнели,
Что Азова избранники Божьи
Ничего-то сделать не сумели
Сами всё сгубили, что имели
И в своём расстрялись бездорожьи?

Помяну-ль в печали беспредельной
О раздорах — злую гибель нашу.
Что-ж Покров?
Ах! Мы — сосуд скудельный,
Горечь пьём самопознанья чаши.

ВЕРА

Всю жизнь стремились. Всю жизнь искали.
Незамечали как годы шли.
Что находили и что теряли
Понять пытались, да несмогли.
Но скоро, скоро в глазах уставших
Потухнет тихий Господен свет.
Так, как в буране скворцов упавших,
И наш исчезнет неверный след.

— · —

Он строил. Строил. Он всё измерил.
Живую душу создал мою.
В свои стремленья Он тоже верил . . .
О вере тщетной
Я и пою . . .

ЧУДО

Уйду . . .
Уйду, чтоб тихо ждать
Тебя — Святое Воскресенье.
При жизни не пришлось сказать
— Остановися ты, мгновенье —
Конец всему.
А я — не жил,
Но с неизменною тоскою
Ветютнем раненым кружил
Над ней — спалённой Донщиною.
Не суждено иного мне . . .
В надзвёздном мире дальше буду
В безмолвной мёртвой тишине
Ждать нам обещанного Чуда.

ВЕСНА

Ну ни свет ни заря слез дяда́ня с печи́,
Ты-ж поди, услыхал — прилетели грачи!
Суетится старик, а здоров зоревать,
Тащит бредень в катух, видно будет латать.
Солнце в дерево стало, ну верь аль не верь,
Двор-то лужа сплошная, не выйти за дверь.
Воробьи побесились, то к гумнам летят,
То, поглянь, на плетне, на прикладке сидят.
А девчат одолел оглушительный смех.
Раскраснелись, дурёхи, ну разве не грех!
И попав под весёлую с крыши капе́ль
В брод пошёл на базы обалдевший кобель.
На лугу, у протоки, ведь вот анчиби́л,
Бег с призами с соседским телком учинил.
Ребятишки галчатами мчатся на пруд,
Там весенние воды плотину прорвут.
Бабка вяжет чулок примостясь у окна . . .
Улыбается. Шепчет. А в сердце — весна!

IT IS A LONG WAY

Я-б хотел проехать в Типперери
Потолкаться молча межь людей,
Вспомнить песенку о Томми и о Мэри
На весёлых поглядеть людей.

It is a long way. А мы — не жили.
Залили кровью свои пути.
Тогда нас сшибли. И раздавили.
На карте мира нас не найти.

Дождалась из Фландрии далёкой
Мэри пехотинца своего.
А у нас по всей степи широкой
Почитай-что нету никого.

Кончились. Слова совсем простые:
Матом кроя. Воя. Хохоча.
Из Москвы. Из «матушки России»
Тучей налетела саранча.

Мы поприжухли. Но вновь поднялись.
Боролись. Бились. И гибли вновь.
А в Ялте — тосты. Там приценялись
Почём на бирже казачья кровь.

О детях наших в «свободном мире»
Не слышно вовсе — их больше нет.
Их схоронила пурга Сибири
И матерей их задула след.

It is a long way to Typperery . . .
Нас перебили лишив всего.
Не изменили мы нашей вере,
А путь к Голгофе
long way to go!

СЕБЕ

Эх, Павел-малый, ты не смог
На мировую выйти сцену,
Не повестил злачёный рог
Твой выезд, в латах, на арену.

Но там, на речушке Лавле,
В отряде тоже вовсе малом,
Защитой стал Донской Земле
Перед девятым русским валом

Плетни . . . колодцы . . . ветряки . . .
И песни вольные лихие
И те — иные — казаки,
Что полегли в войне с Россией.

Уют саманных куреней
И их соломенные крыши,
Вот в чём любовь души твоей
И чем она живёт и дышит

Но — желторотый воробей,
Устав от бури и погони,
Не попеняй судьбе своей —
Она живьём тебя хоронит.

СЕРБСКИЙ МОТИВ

Говорят, когда явился
Я на этот свет тревожный,
Будто, малым, плакал много.
Не припомню. Всё возможно.

А потом, когда туманы
Разошлися осторожно,
Будто пел я неустанно.
Может статься. Всё возможно.

А теперь, перечисляя,
Половодья, бури, грозы,
Песни снова я играю,
Стариковские. Сквозь слёзы.

ТЁЗКЕ

Павлу, свет Васильевичу,
Родионову.

Тёзка милый, может-же случиться,
Что тебе, в Америке твоей,
В детском сне казачая станица
В свете тихом, будто рай приснится,
В перезвоне солнечных лучей.
И тогда, я крепко верю в это,
Ты поймёшь живой душой твоей
Дедов старых, живших этим светом,
Этим Божьим ласковым приветом,
До скончанья безотрадных дней.

КУЛЬТУРА

Поглядите — у них Дездемоны
Или Лиры, сказать, короли...
А у нас — сколько влезет паслёны!
Купыри-же обломно росли.
Диккенс. Шиллер. Байрон. Эвридика.
Кватроченто. Судьба Сиракуз...
Эх! Сало́дик у нас. Ежевика.
Да с полпуда потянет арбуз.
Возрожденье. В горах Хоросана
Помнят Дария злую судьбу...
На балябу ловил я сазана
И варил огневую щербу.
Здесь — погибла священная Троя,
С нею пал копьеносец Приам...
Мы-же Платова славим героя,
Победителя нашим врагам.
Где-уж нам-уж с Шекспиром равняться,
Тем его не достичь и вовек,
Курени нам саманные снятся,
И дымо́к от душистых кизек.
С ними, братцы, никак не поспорю,
Их в Лиенце в упор я видал: —
Шёл народ мой спасаться за море
И в капкан каннибалов попал.

Так мы Запад культурный узнали,
Одинаково все хороши:
Торговали. Душили. Продали.
Вот и делят теперь барыши.
Павел-малый, раздавлен судьбою
Голос твой на чужбине завял.
Всевеликое Войско Донское
Ты ему свою душу отдал.

ГРИНЬКЯ

— Вдарь-ка, Гринькя! Дай-ка, ро́дный!
Покажи нам, так-растак,
Как могёть плясать природный
С Дону-батюшки казак.

По кругу́ пройдись присядкой
Штоп скружилась и земля.
Распотешь лихой ухваткой,
Откали нам буравля. —

Режет Гринькя. Ду́мки реют:
«Эх, паси́ся, атаман!
Очень просто одолеет
Бабий сладкий дуропьян».

Чёртом ходит. Ловко пляшет.
Каблуками сыпет — бьёт.
Мелко дробит. Шашкой машет.
Ясным соколом плывёт.

«Га — покликал! Х-ха — подня́лси!
И попёр ты напролом!
Блох искать таперчи взя́лси
Под персидским подоло́м!»

Топнул Гринькя. Стал как врытый.
Кинул шашечку в ножны.
«—И-их, Стяпан! Ты — бабой битый!
Нам такие — не нужны». —

СЕРГЕЙ СТЕПАНЫЧУ

Много раз с тобой мы оба
Выпивая поднапились,
Для того лишь только, чтобы
Наши дома не журились.

И поныне не забыли
Соблюдать привычку эту,
Хоть давно их всех побили,
Да и дома больше нету.

Пусть же рюмочки в проходку
Да по столику гуляют,
Не кручинься, черти чаркой
Нас за выпивкой сгадают.

ПОКРОВ

Страшной, горькой, безмерной печали
Не найти оправдания слов . . .
Да, в Азове мы крепко стояли
И отверзла Ты райские дали,
Посуливши небесный Покров.

Это нам, от зачатия века,
Бог свелел на кровавом пути,
По Запольным собравшися рекам,
Кликнуть клич о правах человека
И по миру его пронести.

Но в несчётных смешавшись сраженьях,
Сильны верой, да малы числом,
Претерпели Голгофы глумленья,
— Смерть прияв без крупинки сомненья, —
Всё за Твой Богородичин Дом.

— · —

Не снега ли в долинах Тироля,
Не туманы-ль над Дравой легли . . .
Это песни о Славе и Воле,
Это крик нескончаемой боли,
Что под Твой мы Покров понесли.

БЕЗ РАЗМЕРА

Семьдесят пять . . . Семьдесят пять . . .
Скоро устану и брошу считать!
Впрочем
Скажите,
Ответьте же мне.
Ведь я же вас просил:
В какой земле,
В какой стране
Казачьих нет могил?

— · —

Семьдесят пять — это рубёж . . .
В чём обвинишь Ты
И что Ты зачтёшь?
Дело то, видно, в ином,
Да — ином.
В сте́пи сожжён Богородичен Дом.
Нашими Дон запустел головами.
Богу так надо.
Покончено с нами.
Понял я,
Понял:
Не зря Ты молчишь.
Ты неустанно и дальше творишь.

Что не по нраву, иль вышло не так,
Выкинул. Бросил. Ненужное. Брак.
Стружки всё это. Опилки. Отход.
Ихтиозавры. Иль целый народ.
Звёзд ли потухших немой хоровод.
Но — что б не стоило —
Только вперёд!
Этак в потёмках грядущих веков
Новый Адам будет снова готов.
Чай не прохвост.
                    И не вождь.
И не тать.
Что-же . . .
            придётся . . .
                        его подождать . . .

— · —

Или такой межпланетный урод,
Что и атомный огонь не возьмёт?

БАВАРИЯ

Не день, а Господен блистательный дар,
Зелёным огнём загорелся Изар.
В безбрежное небо, бездонную синь,
Умчалась скворцов боевая сарынь.
Походной колонной, с горы до реки,
На отдых спустилися елей полки.
В их чаще густой и свистит и поёт
Звериный, мушиный, пернатый народ.
А сосны, на смену пойдя из долин,
В снегу окопались альпийских вершин.
Танцуя, смеясь на цветочном ковре,
Застыли берёзы в беспечной игре.
И заяц и белка покинули тень
И вышел спокойно из чащи олень.
Болтает о прошлом шумливый ручей
О сказочных замках — мечте королей.
Где в лунную ночь оживает паркет.
Чуть слышно играет оркестр менуэт.
И пара за парою в танце скользит
И тени мелькают, и смех шелестит.
Темно в зеркалах от неведомых чар,
И нет отраженья танцующих пар.
При драпе в такую халупу попав
Я вовремя смылся, коня подседлав.

Хватились подсвечников — был я таков.
Пусть помнят набеги лихих казаков!
А взял те штуковины лишь потому
Что духам при танцах они ни к чему.
Здесь пива сварив в монастырской тиши
Монахи поют о спасеньи души.
А преданный церкви баварский народ
То пиво, с усердием, весело пьёт.

— · —

Глядит на Баварию Бог из окна . . .
Серебряной цитрой звенит тишина.

МУЗЕ

Пришла ты для последней встречи.
Что-ж . . . вновь с тобою запою
Про скалы дикие Билечи,
Про *мајку Србију* мою.
Меня ты научила петь
О нашей и о сербской славе
И ставил я рыбачью сеть
В Дунай. на Тиссе, на Мораве.
Цветов лазоревых огни
У нас не устрашались бури
Цветут и в Сербии они,
Зовут их — Косовски Божури.
Где кровь лилась в боях с врагом
Веленьем Праведного Бога,
Для нас и сербов их ковром
Покрылась райская дорога.
Вот этой родине второй
Поставлю памятник навеки
Я там изведал, молодой,
Добро в хорошем человеке.
И много раз проверил я
Словцо казачее — братушка —
Мне лили сербские друзья
Не в рюмку ракию, а в кружку!

— · —

Но — вспомним хутор Разуваев
И в Редкодубе первый бой . . .
Пора. Поход трубач играет,
Седлай, спеши к расчёту в строй.
Уйдём, чтоб в новом Диком Поле
Любовь степную не забыть.
Она в казачьей нашей доле
Непрерываемая нить.
Эх! Всё то горюшко — не в горе.
Команда подана — садись!
И скажет нам Святой Егорий:
— «Слезай! СтоИ и не боИсь» —

— · —

Жизнь над нами шуточки шутила
Поголовно уложив в могилу.
Нет станиц — лишь суховей да стыть.
Разрешите-ж из остатка силы
По-служивски трошки пошутить.

НАША ДОЛЯ

Так над нами доля злая
Издеваясь насмеялась,
Что навек смыкая вежды
Тихо скажем — нам осталась
Смерть — последняя надежда.

ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ

Новый Год!
                    И сказки мне приснились
Про камыш, левады и кугу...
Будто
        С Богом
                    Мы воды напились
На донском песчаном берегу.
Будто встал я вытирая губы,
А на них — солёная слеза...
И проснулся.
                    Боже, почему-бы
Ты не глянул прямо мне в глаза?
Хоть во сне...
                    чтобы я понял, малый,
Смерти Войска страшные года,
А душе целительною стала
Та святая, светлая вода.

ЕСТЬ ЛИ ОН?

Есть ли Он? Да! Если есть Он где-то
То лишь беглый взгляд Его очей
Хватит, чтобы опознал поэта
В неприглядной простоте моей.
И простил мне все слова лихие,
Что в похмельи горя говоря
Только грозы поминал степные
Без молитв. Креста не сотворя.
Жизнь прожил в сомненьях маловерья
Чебрецы да ковыли любя . . .
Всё поймёт Он. И откроет двери.
В снах моих увидевши Себя.
Не простит? Ну что-же. И за дело!
Искуплю несчётные грехи
В том, что сердце неустанно пело
Горькие, полынные стихи.
Нет Его? Так всё долой! Не надо!
Люди-братья — вековая тля!
Пропади и ты тогда пропадом
Карусель дурацкая — Земля . . .
Но — в мечтах. По-своему поверя.
Сам в себя я Бога сотворю.
Вместе с Ним, не предаваясь Зверю,
Как свеча спокойно догорю.

ЗЕМЛЯ

Ты была случайно лишь согрета
Бешеным космическим огнём,
Став в лучах нечаянного света
Грузным, неудавшимся волчком.
Вертишься бессмысленно и тупо,
А с тобою миллионы лет
Крутятся бесчувственные трупы
Миллиардов неживых планет.
И сгоришь, как всё сгорает в мире,
В тьме кромешной перестанешь жить.
Так скажи мне — о каком кумире
Стоит нам с тобою говорить?

ОГОНЁК МАЛЁШЕНЕК

Потемнеют чьи-то очи карие,
Всполошившись повестит петух:
На задворках Мюнхена, в Баварии,
Огонёк малёшенек потух.

Не от вражьей на излёте пули . . .
А лихой предателя руки.
Казаки в боях его раздули,
Придушили — тоже казаки.

— · —

Только лёгкий кадильный дымок
Уплывёт за лучами заката . . .
Точно так-же угас огонёк
Емельяна, Степана, Кондрата.

ФИНИТА ЛА КОМЕДИА . . .

То не ветры круто повернули
И не звёзды кинули приметы . . .
Беспробудным, вечным сном уснули
Песню запевавшие поэты.

В темноте оставленной пустыни
Воют в ночь голодные шакалы . . .
Кто-ж в сердца мятущейся сарыни
Кинет клич о вере в идеалы?

СОТЫЙ РАЗ

Сотый раз отмерив и отрезав
И смертельно от всего
Устав,
В ужасе, несчётно повторяю:
Сакья-Муни,
Ты — не прав!

ФУНТ ЛИХА

Песен больше не пою,
Запою, так плачу.
Эх, неволюшка моя,
Долюшка казачья.

По краям ли по чужим,
За ненашим морем,
Повстречался невзначай
С неизбывным горем.

Ну и чёрт тебя дери,
Горькая судьбина,
Свой кисетик развяжу,
Зажигалку выну.

Звёзды светят за окном.
Ночь. Темно. И тихо.
Дороговько стоил мне
Фунт земного лиха.

Как на Стиксе на реке
Мели да изгибы.
Даст Харон мне прикурить
И на том спасибо.

Повезет меня старик
В неземную ночку.
Трубку крепче раскурю
И — поставлю точку.

ТРИ ЦВЕТА

Замелькали дни под старость,
Что колёс немые спицы.
Вечерами думки вьются,
Ночью чу́дятся станицы.
По утрам играю песни,
Незабыв по чуждым странам,
Будто поминки справляю
По бойцам и атаманам.
Всё прошёл. И всё измерил.
Всё сберег о чём молился,
Но прощать врагам заклятым
У Христа не научился.
А из радуги, сыздетства,
Выбрал пай себе немалый
И ношу его с собою:
Тёмно-синий. Жёлтый. Алый.

— · —

Замелькали дни под старость
Что колёс немые спицы . . .
Флаг мой сине-жёлто-алый
Над моей родной станицей
Будет виться. Будет виться.

ВОСТОК И ЗАПАД

Лобные места
Сибирь Гулаг погосты
Свято-ленинская русская земля . . .
А на Западе
Лишь жалкие прохвосты,
Кровью выданных
Торгующая тля.

ИСКУШЕНИЕ

Я в церкви небыл двадцать лет
Но близок этот час —
Пойду. Молебен закажу:
Святитель, Отче Николай,
Моли Творца о нас.

Все неудачи, всю беду,
Весь хлам ненужных слов,
Всё, что мерещилось в бреду,
Надежд пустую тень сведу
Туда, где веры зов.

Там, перечтя грехи мои,
Окстясь заговорю:
Не о небесном житии,
А что шепча стихи свои
Тем новое творю.

И что любовь Христа была
Душе всегда близка . . .
Но он сгорел, мой дом, до тла
И речка высохла, Лавлá,
Чьих это дел рука?

Скажу — что я безмерно мал
И не могу понять:
Зачем пронёсся этот шквал,
А мой народ сражённым пал,
С одра ему не встать!

Свершится скоро — вечный свет
Укажет мне пути
В пределы где печалей нет . . .
Услышу-ль там на всё ответ
Что здесь не мог найти?

Истратив так мои слова,
Перед иконой Покрова
Вздохнув, зажгу свечу . . .
И службу отстояв едва,
Уйду.
          И замолчу.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Иван и Феня. Поэма. Париж, 1931.
Коњиц Вилењак. Перевод на сербский
Конька Горбунка Ершова. Белград, 1935.
Скаска о цару Салтану. Перевод на сербский
сказки А, Пушкина. Политика. Белград, 1937.
Краљ Духова. Перевод Вечеров на хуторе . . .
Гоголя. Белград, 1938.
Поэмы. Прага, 1939.
Сказки. Мюнхен, 1957.
Стихи. Мюнхен, 1958.
Veni, vidi, vale. Стихи. Мюнхен, 1972.

ОГЛАВЛЕНИЕ